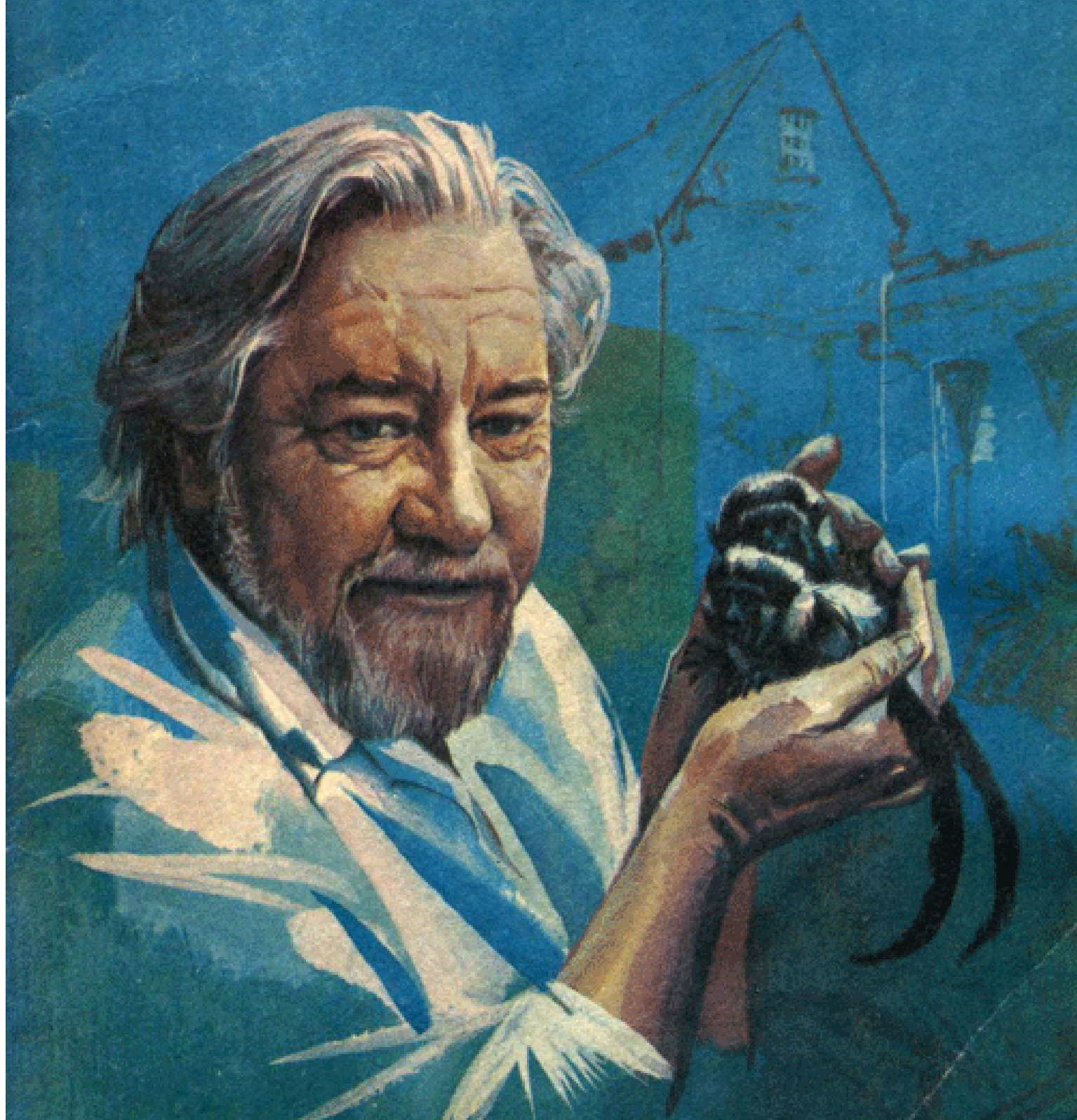

ДЖЕРАЛД ДАРРЕЛЛ

ЗООПАРКИ

Джеральд Даррелл

Зоопарки

Выдающийся английский писатель-натуралист, основатель и почетный директор Джерсийского треста сохранения редких животных, в этой небольшой книге знакомит читателей с тем, что такое зоопарк, как живут его обитатели, и какие наблюдения можно сделать в зоопарке.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. На русском языке издается впервые.

Содержание

Знакомство с зоопарком.....	0005
Что можно узнать в зоопарке.....	0009
Наряды обитателей зоопарка.....	0012
Мальши зоопарка.....	0016
В зоопарке время обеда.....	0021
Послесловие.....	0025

Джеральд Даррелл Зоопарки

Знакомство с зоопарком

В наши дни популярность зоологических садов во всем мире постоянно растет. Когда-то зоопарки были довольно большой редкостью, но сейчас в большинстве стран во всех крупных городах и во множестве маленьких есть свои зоопарки. Это потому, что люди все больше интересуются дикими животными, населяющими окружающий нас мир, а один из самых простых способов изучения таких животных — пойти и посмотреть на них в зоопарке.

Зоопарки придумали не сегодня. Вероятно, впервые они появились у китайцев. Один из таких зоопарков, о котором нам известно из древних хроник, был построен китайским императором почти тысячу лет назад и носил на редкость точное название — «Сад разума», — ведь если не лениться пользоваться своей любознательностью, то в зоопарке можно многое узнать.

Когда открыли Америку, то обнаружили, что у ацтеков в Мехико были зоологические сады, огромные птичники и рыбные садки. В стародавние времена в Европе зоопарки были обычно небольшими и в них не было такого разнообразия животных, как сейчас. В основном, их строили и содержали короли или императоры, так как иметь зоопарк было очень дорогостоящим увлечением, и не будучи королем или императором, позволить себе такое было просто невозможно. Конечно, большими коллекциями диких зверей владели древние римляне, но это нельзя назвать настоящими зоопарками, так как животных содержали только для того, чтобы выпускать на арену для боев с гладиаторами.

Разумеется, в те далекие времена зоопарки были совсем непохожи на нынешние, потому что животные, по большей части, ютились в невероятно тесных и темных клетках, их плохо кормили, а клетки редко чистили, так что от них исходило ужасное зловоние. Кроме того, в то время люди совершенно не считались с чувствами зверей, и поэтому львов и леопардов заставляли ры-

чать, тыча в них кольями и палками, а медведей и обезьян различными жестокими способами принуждали танцевать на потеху публике. Дело в том, что тогда люди искали только забав и развлечений и наблюдать за животными, изучать их им было неинтересно. Они не знали, что гораздо увлекательней следить за естественным поведением животного, чем смотреть, как оно выделывает нехитрый фокус.

В наши дни в современных зоопарках с животными обращаются, конечно же, очень хорошо. Для них строят просторные клетки продуманной конструкции, которые оборудуются обогревом — если в этом нуждаются их обитатели. Чтобы звери были довольны и здоровы, их кормят специально подобранной пищей с особыми витаминизированными добавками. А если кто-то из питомцев заболевает, в зоопарке есть ветеринарная лечебница, оснащенная по последнему слову техники, где пациентов вылечат.

Содержать зоопарк, даже совсем небольшой, гораздо сложнее, чем это кажется многим. Если вы хотите, чтобы животные в неволе были живы и здоровы и, по возможности, приносили потомство, вам придется преодолеть немало трудностей в выборе клетки и подходящего корма. А сейчас мне хотелось бы рассказать о том, что доставляет многочисленные хлопоты директору любого зоопарка, большого или маленького.

Каждый питомец зоопарка должен иметь специальную клетку, конструкция которой наилучшим образом отвечала бы его потребностям. Например, если всю свою жизнь животное проводит на поверхности почвы, незачем сажать его в высокий и узкий вольер — животное, ведущее наземный образ жизни, наверх не полезет, поэтому пространство над ним будет пропадать зря. С другой стороны, не менее глупо было бы поместить зверя, любящего лазать по деревьям — допустим, белку, — в маленькую низкую клетку, когда ей

нужна высокая. Точно так же водолюбивых зверей, например, выдру, нельзя держать в клетке без водоема, и так далее.

Еще одна проблема — прочность клетки. В свое время считали, что таких животных, как львы и тигры, необходимо держать за толстыми железными решетками. Выглядело это, конечно, на редкость безобразно, поскольку прутья решеток мешали видеть зверя. Но теперь мы знаем, что хотя львы и тигры очень сильные создания, их вполне безопасно можно содержать за прочной сеткой. А это гораздо лучше, так как зверя отчетливо видно. Лев или тигр может лишь броситься на сетку, налегая на нее всем телом, но, будучи достаточно прочной, она ослабит натиск и удержит обитателя вольера внутри.

С другой стороны, при содержании таких животных, как шимпанзе, возникают трудности иного рода, так как эти обезьяны обладают большой силой и могут пользоваться руками как человек. Это означает, что шимпанзе способен дергать, тянуть и раскручивать сетку, пока та не порвется; медведь будет делать то же самое с помощью сильных лап и длинных когтей. По этой причине, клетки для таких животных должны быть снабжены прочными металлическими решетками.

В современных зоопарках стараются использовать самые разнообразные варианты конструкций помещений для животных. Сейчас клетки совершенно не похожи на те темные, грязные, забранные частыми решетками, как в темнице, клетки, в которых держали животных сотни лет назад. Так, например, львы или тигры во многих зоопарках от посетителей отделены не решеткой или сеткой: вместо барьера — широкий глубокий ров. Это — один из лучших способов, потому что зверя вы видите, так сказать, лицом к лицу, и ничто не мешает вам смотреть.

В секции орнитологии птиц теперь показывают как рыб в аквариуме: по обе стороны от затемненного прохода для посетителей размещены ярко освещенные вольеры с лицевой панелью из стекла. Они красиво декорируются растениями и кустарниками, так что, в целом все выглядит так, как если бы вы наблюдали за птицами в природе.

Когда вы благополучно разместили ваших питомцев в самых лучших клетках, какие только могли сконструировать и построить, перед вами встает проблема кормов. Количество продуктов, которое потребляет большой зоопарк за

год, просто ошеломляет. Ну, например, чтобы накормить оленей, антилоп, жирафов, бегемотов и прочих можно израсходовать до 117 тонн сена. Для львов, тигров и мелких представителей семейства кошачьих нужно почти 278 тонн конины. Далее, на корм тюленям и морским львам вам, возможно, придется купить почти 52 тонны рыбы, хотя часть ее, безусловно, пойдет в пищу рыбоядным птицам — таким, как аисты и цапли. Затем, для других птиц, мелких млекопитающих и обезьян вы закупите 14 тонн яблок, 9 тонн земляных орехов, 4 тонны винограда, 262 тысячи бананов, 23 тысячи апельсинов и так далее. Вдобавок ко всему этому потребуется купить 28 тысяч яиц, 4 тонны консервированного молока, 7 тонн хлеба и почти тонну сахара. Так что, как сами видите, составить меню на год для большого зоопарка довольно сложно и очень дорого.

Некоторым животным, разумеется, невозможно предоставить пищу, которую они едят на воле, и поэтому приходится приучать их к искусственным кормам. Одно из таких животных — муравьед. Ни один зоопарк не в силах заставить достаточно муравьев, чтобы прокормить муравьеда, следовательно, его надо научить питаться чем-нибудь другим. В неволе муравьедам дают смесь, состоящую из мясного фарша, яиц и молока, с добавлением витаминов. Порой, приучить их к этой болтушке — нелегкая задача.

Однажды, когда я ловил животных для зоопарков в Южной Америке, в результате захватывающей погони мы изловили взрослого гигантского муравьеда и с триумфом притащили его в лагерь. Как только мы добрались до места, я сделал для него веревочную шлейку, и привязал его к дереву. Теперь предстояло приучить его к искусственному корму. Я приготовил болтушку из фарша, яиц и молока, но он на нее даже не посмотрел. Тогда мне пришла в голову мысль: я направился к термитнику неподалеку, разломал его, и набрал банку насекомых и их личинок. Потом сорвал большой зеленый лист, положил его поверх болтушки и насыпал на него термитов. Когда я поставил блюдо перед муравьедом, он понюхал его, а потом, поскольку пахло только термитами, принялся слизывать их своим длинным липким языком. Поедая термитов, муравьед конечно же, слизывал немного смеси, и так вошел во вкус. Через два дня он с жадностью ел болтушку, даже если ее вообще не посыпали термитами.

К существам, которые иногда доставляют хлопоты, относятся и красивые крохотные колибри. В природе они питаются нектаром цветов, который сосут своим длинным клювом. Не менее охотно они поедают довольно большое количество мельчайших насекомых. При содержании в неволе, их приходится приучать питаться смесью меда, воды, глюкозы и витаминов; вам также придется разводить крошечных фруктовых мушек-дрозофил и выпускать их в клетку, чтобы колибри могли и их поест.

Как видите, к каждому животному нужен свой подход во всем — делаете ли вы для него клетку или кормите его.

Что можно узнать в зоопарке

Значение зоопарка для изучения животных заключается в том, что вы находитесь в тесном соседстве с живыми существами, и можете легко наблюдать за их повадками и поведением, можете увидеть то, что не удалось бы подметить за долгие годы терпеливых наблюдений в природе. На воле большинство животных пугливы и скрытны, но в зоопарке они привыкли считать посетителей своими друзьями и ведут себя вполне естественно у вас на глазах.

Крайне важно ходить в зоопарк как можно чаще, и в самое разное время года, потому что повадки многих животных меняются в зависимости от сезона. Берите с собой блокнот и вы увидите, какие интересные наблюдения можно сделать. Некоторые из наиболее любопытных вещей можно увидеть лишь благодаря терпеливому наблюдению, поэтому перед каждой клеткой нужно провести долгое время.

В мире животных окраска играет большую роль по многим причинам. Например, полосы у зебры и пятна у жирафа выглядят очень броско в зоопарке, но если бы вы увидели их в Африке, на фоне деревьев, сквозь листву которых пробивается солнечный свет, вы были бы поражены тем, насколько трудно их заметить, так как они почти сливаются с фоном.

Такой тип окраски называется покровительственным, потому что защищает животных от врагов, делает их незаметными. Подобную покровительственную окраску можно встретить у самых разных животных; скалярия, например, раскрашена полосками как зебра, так что становится почти невидимой на фоне стеблей тростника в тропических водоемах; в солоновато-водном аквариуме можно увидеть и другую рыбу, обладающую великолепной покровительственной окраской — это обыкновенная камбала. Эта удивительная плоская рыба способна изменять общий фон и пятна на теле так, что ее невозможно отличить от грунта, на котором она лежит.

Среди рептилий наиболее известен своей покровительственной окраской, конечно же, хамелеон, благодаря способности так быстро менять цвет своего

тела. На коричневой ветке он коричневый, а потом, когда он перебирается с нее на ветку с зелеными листьями, вы увидите; как у вас на глазах постепенно становится зеленым. В данном случае способность его сливаться с фоном, разумеется, преследует две цели: она защищает его от врагов и делает практически невидимым для насекомых, которыми он питается.

Вы можете наблюдать интереснейшее изменение окраски, если у вас в зоопарке есть такие животные, как песцы и полярные совы. Весной и летом шубка у песца красивого серого цвета, а полярная сова — белая, густо испещренная черными пятнами и полосками. Но, когда вы навестите их в начале зимы, то увидите, что и птица, и песец стали красивого снежно-белого цвета. Это потому, что весной и летом в Арктике снег тает, и расцветают цветы и кустарники. Значит, сове и песцу нужна окраска, которая сливается с окружающей средой, скрывая их приближение к добыче. Поэтому песец отрачивает серый мех и его очень трудно заметить, когда он крадется в тени кустарника, а сова также хорошо замаскирована благодаря своему черно-белому оперению. Но когда приходит зима, и снег толстым слоем покрывает землю, мех песца и оперение совы делают их слишком заметными. И они вынуждены стать белыми, чтобы быть незаметными для добычи на фоне снега. Безусловно, существует много других зверей и птиц, обитающих в холодных зонах земного шара, которые так же меняют свою окраску.

Великое множество живых существ имеют так называемую предупредительную окраску, то есть окраску, которая предупреждает каждого хищника, что это животное опасно. Одним из самых лучших примеров может служить скунс, обладающий ярким черно-белым мехом. Он спокойно разгуливает даже среди бела дня и не выказывает никакого страха при виде человека. Он только топчет лапами и задирает хвост, подзадоривая вас подойти поближе. И если вы, получив такое предупреждение, не поостережетесь, он обдаст вас зловонной жидкостью; и нет еще зверя, который, будучи обрызган скунсом, позволит этому повториться.

В террариуме зоопарка вы, возможно, обнаружите садок, полный маленьких древесных лягушек. Многие животные питаются лягушками, поэтому некоторые из них — в качестве защиты — выделяют кожный секрет отвратительного вкуса. Такие лягушки обычно раскрашены в яркие предупреждающие цвета — оранжевый, красный, желтый и ярко-зеленый.

Разумеется, благодаря этому они похожи на аппетитные конфетки, но лесные птицы и звери, узнавшие на горьком опыте, что ничего нет хуже вкуса этих лягушек, оставляют их в покое.

У змей встречается множество самых красивых вариаций покровительственной окраски. Вы сами увидите, какими пятнами и пятнышками красивых оттенков коричневого, серебристого и розового покрыты питон и удав. Когда они лежат, свернувшись на опавших листьях лесной подстилки, они становятся почти невидимыми, особенно, если они лежат неподвижно. Это значит, что олень или дикая свинья могут подойти к ним вплотную, не замечая опасности, и тогда питон внезапно хватает их. Они слишком поздно понимают, что то, что они считали всего лишь кучей листьев, на самом деле — страшная змея, которая схватила их и душит насмерть.

Когда вы пойдете в зоопарк в следующий раз, попробуйте провести интересный опыт. Выберите животное с красивым рисунком окраски — тигра, зеб-

ру, жирафа или змею — и старательно зарисуйте его в своем блокноте. Потом перенесите этот рисунок на лист прозрачной кальки. Затем, возьмите еще два или три листка чистой бумаги и нарисуйте на них различные типы фона: один — с густыми тенями, образованными толстыми деревьями, другой — испещренный светом и тенью и так далее. Потом возьмите ваш рисунок животного и приложите его поочередно к разным вариантам фона. Вы будете удивлены тем, как на одном фоне животное очень хорошо заметно, в то время как на другом исчезает почти полностью.

Наряды обитателей зоопарка

Многие животные носят причудливый наряд в виде шипов или рогов, наростов или складок. Эти странные украшения носят по разным причинам, и у каждого животного есть свои причины. Совершенно фантастические варианты украшений встречаются у рептилий; подобные украшения обычно служат двум целям. Возьмите, например, плащеносную ящерицу из Австралии. У этой странной на вид рептилии вокруг шеи широкая складка кожи, похожая на довольно неопрятный отложной воротник, в спокойном состоянии она сложена вдоль шеи, но когда ящерице угрожает опасность, животное поворачивается навстречу хищнику, широко раскрывает пасть (изнутри ярко-желтого цвета), и расправляет вырост вокруг головы. Из-за этого она выглядит в два раза больше и в два раза свирепее, и, как правило, хищник дважды подумает, прежде чем напасть на нее.

Насколько нам известно, у плащеносной ящерицы подобная необычная демонстрация используется только для устрашения хищников. Но у бородатой ящерицы, родом тоже из Австралии, такое представление выполняет двойное назначение. У этой ящерицы под нижней челюстью — странный кожаный мешок, который она может раздувать. Когда она выставляет вперед свою «бороду», раскрывает пасть и стремительно меняется в цвете, то выглядит очень внушительно и грозно, поэтому враги оставляют ее в покое. Но такую же демонстрацию самец использует и во время сезона размножения, чтобы покрасоваться перед своей избранницей, стараясь убедить ее своими действиями, что он самый большой, самый сильный и самый красивый ящер на всю округу, и что именно на нем она должна остановить свой выбор.

Подобный способ защиты вы встретите и у многих птиц. Некоторые хищные птицы, например, будучи загнаны в угол, прежде всего взъерошат оперение на голове и свирепо посмотрят на вас. Если же вы подойдете еще ближе, они опрокинутся на спину, расправят крылья и выставят вам навстречу когтистые лапы, предупреждая, чтобы их не трогали. Они не пытаются напасть, но просто стараются выглядеть как можно свирепее, чтобы вы убрались прочь и оставили их в покое.

Некоторые совы, если их потревожить, распушают перья, — расправляют крылья в стороны (увеличивая таким образом свои размеры вдвое), смотрят немигающим взглядом и щелкают клювом, покачиваясь из стороны в сторону. Нужно быть очень смелым хищником, чтобы напасть на сову, когда она так ведет себя.

Антилопам и оленям, которых вы видите в зоопарке, рога служат не только украшением, привлекающим самок, поскольку и антилопам и оленям приходится жестоко сражаться, чтобы сохранить гарем. У антилоп рога начинают расти в юном возрасте и у взрослых животных достигают истинных размеров, после чего уже не меняются. Но олени сбрасывают рога каждый год, а вместо них отрастает новая пара. За этим интересно наблюдать, и если регулярно ходить в зоопарк в течение года, то это можно увидеть и зарисовать. А происходит вот что...

Рога растут из черепа оленя, они вроде костей на самом деле. Когда они появляются впервые, то покрыты мягкой шерстистой кожицей, похожей на бархат. Под кожей расположены кровеносные сосуды, питающие кости и способ-

ствующие их росту. Размер и форма оленьих рогов меняются в зависимости от возраста. Рога растут почти так же, как деревья. В первый год — это ствол деревца, на следующий год на нем появляется ветка, еще через год — другая, и так далее. Таким образом, у пятилетнего оленя на рогах должно быть шесть «веток». Когда рог вырастет окончательно, кровеносные сосуды в бархатистой кожице начнут уменьшаться и исчезать, кожица усыхает и отмирает, и начинает слезать с рогов.

На первых порах рога очень нежные, и олень старается всячески оберегать их от ударов, потому что это могло бы их повредить и деформировать. Но, когда кожица начинает слезать, рог под ней уже твердый. Тогда олень выглядит очень странно, потому что с рогов у него свисают полоски слезающей шкурки, похожей на мох, свисающий с дерева.

Похоже, что это раздражает оленя, он ощущает зуд (примерно как мы, когда у нас шелушится кожа, если обгореть на солнце), находит деревья или

столбики в вольере и трется о них своими красивыми новыми рогами, пока не счистит последний лоскуток шкурки. Теперь его оружие готово, и оно ему понадобится, потому что начинается брачный сезон, а олень знает, что ему придется сражаться с соперниками, чтобы доказать свою силу, прежде чем он сможет собрать нужное число самок для создания собственного стада. Тогда, когда он соберет своих жен и вырастит детей, рога у него отвалятся и начнет отрастать новая пара для битв следующего года.

Иногда такие поединки между оленями кончаются несчастьем: как-то нашли двух мертвых оленей с намертво сцепленными рогами.

Самый красивый на свете брачный ритуал можно встретить у птиц, поскольку петух обычно украшает себя самым великолепным и фантастическим оперением, пытаясь убедить курочку, что он единственный, кто достоин ее выбора.

Вероятно, одним из наиболее великолепных брачных ритуалов, который можно увидеть в зоопарке, является танец королевской райской птицы. Самец, — размером с дрозда, — с головой оранжевого цвета, снежно-белой грудью и алой спиной. Его оперение мерцает и переливается как золотое шитье. Клюв у него желтый, а ноги — ярко-голубые. В брачный период по бокам у него появляется длинное оперение, а средняя пара хвостовых перьев отрастает еще больше, скручиваясь на концах в колечки, как плоская часовая пружина. Это «часовые пружины» — ярко-зеленого цвета.

Когда приходит пора постараться произвести впечатление на самку своей красотой, он сначала усаживается на ветку и подпрыгивает два или три раза. Потом поднимает крылья и хлопает ими над спиной, как-будто вот-вот взлетит, а затем широко расправляет их и наклоняется вперед таким образом, что его голова исчезает под перьями крыльев. Все это время он распевает изо всей

мочи. Потом, продолжая петь, он прижимает хвост к спине так, что два длинных хвостовых пера касаются головы, а «часовые пружины» на конце свисают по обе стороны от клюва.

Затем, несколько неожиданно, он расправляет перья, опускает хвост в исходное положение, и вдруг падает вперед, уцепившись за ветку своими синими лапками и повиснув вниз головой. Потом, продолжая петь, он расправляет крылья и начинает расхаживать по ветке вверх тормашками. Немного погодя он складывает крылья и просто висит вниз головой, раскачиваясь в разные стороны. Такой необычный танец в сочетании с чудесной окраской птицы делают это зрелище незабываемым.

В зоопарке вы можете наблюдать другую интересную птицу — австралийского атласного шалашника. Петух замечателен тем, что строит весьма необычный домик для танцев, предназначенный, чтобы развлекать в нем самку. В своем вольере он выбирает два больших пучка травы и расчищает пространство между ними и вокруг них. Затем, с помощью обрывков веревки, соломы или других материалов, какие сможет найти, он сплетает их вместе, и, когда работа окончена, у него получается что-то вроде туннеля.

После этого самец принимается украшать свой домик, используя для этого кусочки фольги, раковины улиток или любые другие предметы яркой окраски или необычной формы, самым тщательным образом располагая орнамент. Когда в зоопарке вы увидите, как атласный шалашник мастерит свой шалаш, дайте ему фантики, кусочки крашеной шерсти или что-нибудь в этом роде. Вот тогда вы сможете увидеть, как он украшает свой шалаш, как ведет к нему самку, а потом танцует взад или вперед среди своих сокровищ, показывая ей, что он — птица артистическая и выдающаяся, и вполне достойная того, чтобы устроить с ней домашний очаг.

Мальши зоопарка

Во всех зоопарках, где дело ведут хорошо, а о животных тщательно заботятся и их ничто не беспокоит, вы можете почти в любое время года увидеть детенышей. Это потому, что когда у нас зима, где-нибудь в Южной Америке весна, и, несмотря на то, что на земле лежит снег, детеныши у южноамериканских животных появляются в то время года, когда они считают подходящим.

У большинства животных за детенышем или детенышами ухаживает самка, хотя в некоторых случаях эту обязанность разделяют оба родителя. Но у некоторых животных всю эту тяжелую работу выполняет самец. Возьмем, например, рыб. Если вы пойдете в аквариум зоопарка и понаблюдаете за колюшками, то увидите, как самец справляется с этой задачей.

Прежде всего, он строит себе из водорослей небольшое круглое гнездо с отверстием с одной стороны, которое служит входом. Когда он заканчивает этот заманчивый дом, он отправляется к выбранной самке и начинает кружить вокруг нее, осторожно подталкивая ее к гнезду. Наконец, если она решает, что гнездо подходящее, она заплывает внутрь и откладывает икру. После чего самка теряет к ней всякий интерес и уплывает, предоставляя все остальные хлопоты отцу. Он прекрасно заботится об икринках; большую часть времени находится у гнезда или над ним, энергично работая плавниками, как веером, создавая ток воды, проходящий через гнездо и снабжающий икринки кислородом.

Он также должен внимательно следить за всеми рыбами, которые подплывают слишком близко, потому что лучшей едой они считают икру колюшки. Но, если они все же осмеливаются приблизиться, самец бросается на них, пытаясь проткнуть острыми шипами на спине, и вскоре они удирают.

Потом, когда появляются мальки, хлопот у папаши только прибавляется, потому что мальков великое множество и кто-то из них постоянно пытается покинуть безопасное гнездо. Самец вынужден догонять их и возвращать назад, а чтобы сделать это, он ловит их ртом, плывет назад и выплевывает их в гнездо через парадный вход!

Похожими повадками обладает другая рыба — бойцовая рыбка или петушок. Обыкновенно это довольно тусклая рыбешка, но лишь один самец завидит другого, как он готов к бою и тут же вспыхивает самыми яркими оттенками малинового и багрового, превращаясь в такого красавца, что не верится, что это та же самая рыбка.

В брачный период самец бойцовой рыбки ведет себя точно так же, как колюшка. Он строит гнездо, но вместо водорослей использует пузырьки воздуха! Во рту у него есть липкая жидкость, и, когда он выпускает пузырьки, то обволакивает каждый из них слоем этой жидкости. Пузырьки делаются не только прочнее, чем обычно, но и прилипают друг к другу, что позволяет придать им форму гнезда.

Как только самка откладывает икринки, самец бойцовой рыбки аккуратно собирает их в рот и относит в гнездо из пузырьков. Самка больше не проявляет к икре никакого интереса, а самец заботится о ней точно так же, как и колюшка, отгоняя всех рыб, подплывающих слишком близко, ремонтируя стенки гнезда с помощью новых пузырьков, когда старые лопаются, и, наконец, присматривая за мальками, когда те вылупляются. А если мальки уплывают от гнезда, он собирает их в рот и водворяет на место.

У млекопитающих иногда большую часть работы тоже делает самец, но это случается не так часто. Например, так обстоят дела у прелестных крохотных обезьянок — игрунок. У самки обычно рождается двойня, и, как только малыши появляются на свет, самец забирает их и сажает на себя с обоих боков, где они держатся за густую шерсть. Он умывает их, присматривает за ними, передавая матери только на время кормления. У других, более крупных обезьян детенышей переносит самка, усадив их либо себе на живот, либо на спину. Конечно, самец тоже интересуется малышом, часто с ним играет, но вся по-настоящему тяжелая работа выполняется сам кой.

Все детеныши, безусловно, очень дисциплинированы, хотя иногда могут расшалиться и попасть в беду. Они должны научиться немедленно слушаться своих родителей, иначе они могут погибнуть, если на воле в минуту опасности не сделают того, что им велено. Из всех малышей в зоопарке обезьяньи детеныши, само собой, пожалуй, самые несносные, потому что полны шалостей и всегда попадают в беду.

Я видел однажды, как самка павиана, решив, что ее детеныш забрел слишком далеко, позвала его к себе. Он не обратил на это никакого внимания. Она позвала его еще раз, но он опять не обратил внимания. Она позвала его в третий раз, и опять никакой реакции. Наконец, такое непослушание рассердило павианиху, и она бросилась к детенышу, схватила его за хвост, приподняла и звучно шлепнула по задку. После этого он всегда был послушным!

В другой раз я видел самку шимпанзе с детенышем в большой клетке. Самка пыталась немного вздремнуть в углу, но ее отпрыск был в приподнятом настроении, и ему хотелось, чтобы мама с ним поиграла. Каждый раз, когда она засыпала, он тихонько подкрадывался сзади, а потом дергал ее за шерсть и убежал. После того, как бедную самку будили раз шесть, ей надоели шалости ее сына, и когда, думая, что она заснула, он подбирался к ней сзади в очередной раз, она неожиданно развернулась и отвесила ему такой подзатыльник, что он кубарем полетел из одного конца клетки в другой. Уж после этого он дал ей поспать спокойно!

Родителям приходится учить своих детенышей многим вещам, в том числе и тому, как себя вести. Выдрят и детенышей тюленей, например, родители должны учить плавать, потому что сначала малыши боятся воды, и будь на то их воля, они бы никогда не пытались в нее войти; поэтому мать хватает их за загривок и несет в воду, или пытается заманить туда лакомым кусочком.

Игра у молодых животных — это действительно что-то вроде обучения. Вы можете увидеть игры у оленят и детенышей антилоп задолго до того, как у них появятся рога. Они будут плясать вокруг друг друга и бодаться своими безрогими головами в шутовском поединке. Но, хотя это всего лишь игра, пока они ей заняты, они учатся тому, как нужно быстро двигаться и пользоваться головой, чтобы с годами, когда у них вырастут рога, они знали, как драться с другими самцами стада в брачный период.

Однажды я видел тигрицу, играющую со своими тигрятами, и это было очаровательное зрелище. Она лежала с полуприкрытыми глазами, вытянувшись и слегка подергивая хвостом из стороны в сторону. Тигрята, с горящими глазами и лапами, которые (как у всех котят) казались слишком большими, крадучись ползли через всю клетку на животах, а затем, после короткой задержки, оценив ситуацию, они бросались на кончик материнского хвоста и свирепо кусали его. Конечно, это была всего лишь игра, но, пользуясь ей, тигрица учила своих детенышей, как нужно подкрадываться к добыче, бросаться на нее и убивать, все это она делала при помощи своего хвоста. Если бы эти тигрята жили на воле, то очень скоро им пришлось бы начать охотиться самим, поэтому их обучение и начинается так рано. Вы можете увидеть, как многие дикие кошки — львы, леопарды, ягуары и так далее — обучают своих детенышей охотиться таким способом.

Звери переносят своих малышей с места на место по-разному. Как я вам уже рассказывал, детеныши обезьян цепляются за шерсть на животе или на

спине у своих матерей, и им приходится держаться очень крепко, потому что матери прыгают с ветки на ветку.

Точно так же переносят свой молодняк многие другие животные. Даже самка бегемота переносит своих детенышей на спине, когда плышет. Это не только потому, что бегемотик не может плыть так же быстро, как его мать, но и потому еще, что притаившиеся крокодилы только и мечтают, чтобы полакомиться детенышем бегемота, но не решаются напасть, пока малыш находится в безопасности на широкой спине матери.

Медведи переносят медвежат таким способом, который каждый раз бросает меня в дрожь, потому что я уверен, что бедные малыши погибнут, но этого, конечно же, никогда не случается. Однажды я был в зоопарке, в котором был большой медвежий вольер, и, как мне сказал служитель, в одном из домиков у медведицы родились два медвежонка.

В то время как мы вели наблюдение, медведица по каким-то, только ей одной известным причинам, решила перетащить медвежат из одного домика в другой. Она появилась в похожем на вход в пещеру проходе домика с медвежонком в пасти, которого она держала не за загривок, как это делает большинство животных, когда перетаскивают своих детенышей, а за голову! Фактически, голову медвежонка вообще не было видно, поскольку она целиком была в пасти у медведицы. Пока его мамаша направлялась к новому домику, медвежонок просто висел без движения. Затем, когда медведица подошла ко входу в домик, она поставила медвежонка на землю и легонько шлепнула его лапой, и он поковылял внутрь, а она тем временем вернулась назад и проделала то же самое со вторым медвежонком. Мне показалось, что это был крайне неудобный способ переноски, однако, медвежата, похоже, не имели ничего против.

Так что, когда вы пойдете в зоопарк в следующий раз, узнайте, у каких животных есть детеныши, и внимательно понаблюдайте за ними. Посмотрите, как родители натаскивают их, или учат охотиться, или как перетаскивают с места на место, потому что каждый вид животных делает это немного по-своему.

В зоопарке время обеда

Когда вы бываете в зоопарке, интересно обратить внимание на те разнообразные способы приема пищи, которые существуют у животных. Возьмем, например, семейство кошачьих — тигра, льва и так далее. Возможно, вы много раз видели, как их кормят, но обращали ли внимание на то, как они едят?

Сначала, когда им дают огромные куски мяса, они хватают их, свирепо рыча. Потом тащат в дальний угол клетки и ложатся, зажав мясо между лапами. Потом принимаются лизать мясо, и если смотреть внимательно, то вы увидите, что его поверхность становится шероховатой, как-будто ее терли наждачной бумагой. Вы знаете, какой шершавый язык у котенка, когда он лижет вам руку; ну, а у тигра или льва язык точно такой же, только, конечно, увеличенный в несколько раз. Поэтому эти гигантские кошки могут на самом деле съесть разрубленную тушу, облизывая ее!

В большинстве зоопарков можно увидеть небольшое животное, которое называется енот. Он размером с небольшую собаку, покрыт серой шерстью, у него большой пушистый с оттенком черного хвост и черная отметина на морде, из-за которой он выглядит так, как-будто носит маску. Эти животные происходят из Северной Америки, они ведут ночной образ жизни, выходя на охоту только по ночам, чтобы добыть себе пропитание, состоящее из фруктов, птичьих яиц, птенцов, лягушек, мышей и, практически, всего того съедобного, что могут найти.

Так вот, интересно то, что у енотов есть необычная привычка, которая проявляется, когда они находят пищу. Если вы понаблюдаете за ними во время кормления в зоопарке, то увидите, что они подбирают кусок мяса или плод и ковыляют потом к бассейну или миске с водой. Там они садятся на корточки и, окуная кусок пищи в воду, принимаются тщательно его полоскать. Никто

не знает, почему они это делают, но ни один енот и не подумает съесть пищу, не ополоснув ее.

На воле они могут отправиться на охоту за лягушками в каком-нибудь ручье, и когда лягушка будет поймана, тщательно полоскать ее в той же воде. Очень забавно наблюдать за группой енотов, которые торжественно сидят вокруг бассейна, макая пищу в воду и тщательно оттирая ее перед тем, как съесть, потому что они напоминают множество пожилых тучных хозяев, собравшихся вокруг большой лохани на постирушки!

Подмечать, каким образом различные существа приспособились решать проблемы питания, всегда интересно. Слон, например, подбирает свой завтрак и отправляет его в рот носом. Хобот слона — это удивительно сильный и, в то же время, чувствительный инструмент, при помощи которого он способен одинаково легко поднять ствол дерева или маленькую монетку. Меньший родственник слона — тапир, один вид которого встречается в Южной Америке, а второй — в Азии. Хобот у тапиров не длинный, как у слонов, а короткий, похожий скорее на обрубок. Тапиры ничего не могут им поднять, но пользуются им больше как захватом, обхватывая пучки листьев и запихивая себе в рот.

У жирафа, конечно, нет хобота, но зато есть очень длинный синий язык, которым он пользуется точно так же, как слон хоботом. В ходе эволюции у жирафа развилась длинная шея, позволяющая ему питаться листьями и побегами с верхушек деревьев, и когда его голова находится среди веток вверху, он высывает свой длинный язык, закручивает его вокруг пучка сочных листьев и запихивает листья себе в рот.

Понаблюдайте за жирафом после того, как он наберет полный рот еды. Он жует ее тщательно и долго, так что вы должны набраться терпения. Но потом, решив, что корм пережеван как следует, он проглотит его, и вы сможете увидеть, как комок пищи, выпирая из-под кожи, путешествует по его шее, словно лифт, спускающийся по небоскребу!

Необычным способом пользуется своим языком во время еды и другое существо — хамелеон. У этой ящерицы в самом деле удивительный язык дли-

ной восемь дюймов. Он длинный и тонкий, кроме самого кончика, где он утолщается, наподобие поплавка. Весь язык очень липкий. Когда хамелеон видит насекомое на листе или на ветке, он осторожно продвигается вперед в его направлении, пока не убедится, что находится в пределах дальности своего языка. После этого он слегка приоткрывает пасть, тщательно прицеливается, и затем неожиданно выстреливает язык, как чертика из табакерки; липкий утолщенный конец языка попадает в насекомое, и оно прилипает к нему, как к бумаге от мух, а потом хамелеон быстро прячет язык в пасть вместе с неудачливым насекомым.

В зоопарке у вас есть прекрасная возможность увидеть, как разные птицы приспособились к разным типам корма. — Так, например, у соколов и сов — острые как ножи, изогнутые клювы, которыми они могут рвать свою добычу, а лапы — сильные, с острыми искривленными когтями, чтобы держать пищу. Глаза у сов, конечно, большие и приспособлены для того, чтобы хорошо видеть в темноте, а у соколов глаза зоркие, чтобы замечать добычу даже тогда, когда они парят высоко в небе.

У птиц, которые питаются рыбой и мелкими рачками, клювы совсем другие. Пеликан пользуется своим громадным клювом, как рыбачьей сетью и решетом, потому что птица опускает голову в воду, зачерпывает полный клюв воды и рыбы, а потом дает воде вытечь тонкой струйкой, оставляя рыбу в мешке, чтобы затем ее проглотить. Еще более необычный клюв у фламинго, потому что у него желобчатые края. Фламинго погружает голову в воду, набирает полный клюв мелких рачков и воды, а потом сжимает клюв и вода вытекает через желобки, оставляя рачков внутри.

Одни из самых маленьких и самых красивых птиц в мире — нектарницы и колибри. Они очень похожи друг на друга, со своими крохотными тельцами, одетыми в чудесное переливающееся оперение, с длинными изогнутыми клювами и крошечными лапками, но на самом деле они не связаны никаким родством.

Нектарницы родом из Азии и Африки, а колибри можно встретить только в Северной и Южной Америке. Но вот что интересно: у обеих птиц выработался одинаковый способ питания. Очень большая часть их пищи состоит из некта-

ра лесных цветов, и поэтому у этих птиц развились длинные изогнутые клювы, которые они могут засовывать глубоко в цветок и высасывать из него нектар.

Когда колибри сосут нектар, они парят напротив цветка, напоминая миниатюрные вертолеты, а их крылья работают так быстро, что их очертания расплываются. Когда колибри заканчивает пить нектар из цветка, она может лететь задним ходом!

Ну что ж, в этой книге я постарался немного рассказать вам о том, как ведутся дела в зоопарке, а также о том, что можно там увидеть, если смотреть в оба. Поэтому сейчас разрешите мне дать вам список того, что «нельзя» в зоопарке. Нельзя дразнить животных. Нельзя толкать животное, чтобы разбудить его, когда оно спит. Нельзя кормить животных, если в табличке на клетке сказано, что вы не должны этого делать. Нельзя носиться сломя голову от клетки к клетке, потому что вы не увидите самого интересного, ведь важно быть терпеливыми, наблюдаете ли вы за животным в природе, или в зоопарке. Ведите блокнот, и посмотрите, как много интересного о животных вы можете записать. Тогда, я надеюсь, вам будет в два раза приятней ходить в зоопарк.

Конец

Послесловие

Если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, то, возможно, одной из первых своих Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла.

Литературное приложение к газете «Таймс»

В сегодняшнем мире Джеральд Даррелл — один из наиболее известных и читаемых английских писателей. Утверждая подобное, я ничуть не грешу против истины, а просто констатирую факт. Благодаря книгам Даррелла и телевидению мы искренне считаем, что знаем о нем очень много, но, при ближайшем рассмотрении оказывается, что нам известно невероятно мало. Можно попытаться воссоздать биографию писателя, воспользовавшись его книгами. Можно воспользоваться хронологией, составленной его старшим братом, Лоуренсом:

«1931 год. — Ребенок ненормальный, все карманы набиты улитками!

1935 год. — Ребенок дефективный, таскает скорпионов в спичечных коробках!

1939 год. — Мальчишка сошел с ума — нанялся в зоомагазин!

1945 год. — Мальчик совсем свихнулся — хочет служить в зоопарке!

1952 год. — Человек спятил с ума — лазит по джунглям, кишащим змеями!

1958 год. — Этот полоумный хочет завести свой зоопарк!

1967 год. — Настоящий маньяк. Пригласите его в гости, и он притащит в дом орла.

1972 год. — Да он просто сумасшедший!»

Но, к сожалению, даже такое насыщенное информацией жизнеописание незначительно расширяет наши представления и о жизни Даррелла, и о его творчестве. Поэтому автор этих строк решился предложить читателям свою собственную версию биографии английского писателя-натуралиста. Этот очерк — всего лишь скромная попытка выразить свое глубокое уважение замечательному человеку. Так как даже самые удачные подражания языку Даррелла оказываются жалкими подобиями оригинала, то очерк не претендует на особые литературные достоинства — за что автор и издатели приносят свои извинения читателям.

* * *

7 января 1925 года в Джамшедпуре (Индия) в семье Сэмюэла Даррелла и Луизы Даррелл (в девичестве Флоуренс) на свет появился четвертый ребенок — сын, Джеральд Малколм. В тогдашней колониальной администрации Сэмюэл Даррелл занимал далеко не последнее место — он был квалифицированным инженером-строителем, ведавшим прокладкой железных дорог, сооружением мостов и тоннелей. Луиза Даррелл до замужества была сестрой милосердия, но после рождения детей целиком посвятила себя заботам о семье. Высокий пост главы семейства обеспечивал немалое (даже по меркам метрополии) жалованье, а несравненно более дешевая жизнь в колонии позволяла вести вполне безбедное существование, единственным недостатком которого были бесконечные переезды с места на место — Бомбей, Дарджилинг, Мадрас, Раджпутана (в Индии), Рангун (в Бирме)...

Как утверждает сам Даррелл, уже в раннем детстве у него возник интерес к

живым существам:

«Одно из самых первых воспоминаний относится к тому времени, когда мне было два года. В Индии вместе со своей няней я отправился на прогулку по горной дороге. Весь день шел проливной дождь, и после него земля источала пряный и влажный запах. На повороте дороги моя айя[1] встретила двух знакомых, мужчину и женщину. Помню, что на женщине было дешевое сари кричаще-красного цвета, сверкавшее как орхидея на фоне зелени подлеска, росшего вдоль дороги. Вскоре я потерял интерес к их разговору и направился к канаве неподалеку, где к своему восхищению обнаружил двух огромных слизней цвета хаки, принесенных ливнем. Оставляя за собой следы блестящей слизи, они медленно держали путь вдоль канавы. Помню, что я сидел на корточках и с упоением смотрел, как они скользили по земле, хотя были напрочь лишены конечностей, при помощи которых могли бы передвигаться. Захваченный зрелищем этих существ, я оставался недвижим до тех пор, пока моя айя не пришла взглянуть, что я делаю и не уволокла меня прочь, приговаривая, что мне не подобает смотреть на такую нечисть. А для меня слизи были так же очаровательны и по-своему привлекательны, как и подружка няни в красивом сари»[2].

К тому же времени приблизительно относится еще одно воспоминание:

«Уже в двухлетнем возрасте, когда семья жила в одном из городов Центральной Индии, который мог похвастаться неким подобием зверинца, я заразился своего рода „зооманией“. Дважды в день, когда моя многострадальная айя спрашивала, где мне хочется погулять, я тащил ее к рядам зловонных клеток с облезлыми живыми экспонатами. Любую попытку изменить этот ритуал я встречал яростными воплями, которые слышно было от Бомбея на юге страны до границы Непала на севере. Так что я нисколько не удивился, узнав от матери, что моим первым словом было „zoo“ („зоопарк“).»

В 1928 году скоропостижно скончался Сэмюэл Даррелл, и семья переехала в Англию, откуда в 1933 году переехала на остров Корфу в Греции. Там, среди залитых солнцем миртовых рощ, виноградников и теплых морских отмелей Джеральд провел несколько безоблачных, по-настоящему счастливых лет, получив, наконец, никем практически не ограниченную возможность общаться с животным миром. Беззаботные дни на Корфу омрачались вереницей уроков под руководством домашних учителей — на редкость причудливых персонажей, чаще всего имевших самые смутные представления о педагогике. Несомненным достоинством этих уроков была их нерегулярность, а единственным исключением среди преподавателей был Теодор Стефанидес[3].

Вряд ли есть надобность пересказывать жизнь Дарреллов на Корфу, лучше лишний раз перечитать «греческую» трилогию писателя — «Моя семья и другие звери», «Птицы, звери и родственники» и «Сад богов», наконец.

Завершая рассказ о детстве Джеральда, необходимо упомянуть в нескольких словах о его любимых книгах, сыгравших большую роль в выборе профессии. В свое время Даррелл выступил в не свойственной ему роли — составил сборник под названием «Мои любимые истории о животных»[4] и стал его редактором. В сборник вошли отрывки из «Книги джунглей» Р. Киплинга, фрагмент из «Моби Дика» Г. Мелвилла, глава из повести «Выдра по имени Тарка» Г. Уильямсона и, разумеется, проза Дж. Корбетта... Несколько позже к этим

произведениям добавились труды Гумбольдта, Бэйтса, Уоллеса, Одюбона и, как считает сам Даррелл, огромное значение для для него имело знакомство с трудами Ж.-А. Фабра, Г. Менделя, Ч. Дарвина, Т. Мальтуса и необычной книгой — «Естественная история и обычаи Селборна» — которую в 1788 году написал священник-натуралист Гилберт Уайт.

В 1939 году разразилась мировая война, и Дарреллам пришлось спешно покинуть Корфу, которому грозила оккупация. Сменив солнечный воздух греческого острова на влажный и дымный туман Лондона, Джеральд устроился на некоторое время продавцом в крошечный частный зоомагазин, принадлежавший некоему мистеру Ромили. После войны Даррелл-младший получил место в зоопарке Уипснейд; должность была незавидной, по нашим меркам она соответствовала рабочему по уходу за животными, но в Уипснейде юный натуралист получил весьма основательную профессиональную подготовку и окончательно определился в выборе своего будущего.

Характеризуя этот этап своей жизни, Дж. Даррелл пишет:

«Когда мы вернулись в Англию, я понял: нечего и помышлять о своем зоопарке, пока не приобрел опыта работы с более крупными животными, такими, как львы, буйволы и жирафы, для содержания которых при всем моем энтузиазме ни сад, ни спальня, не говоря уже о моей собственной персоне, не очень-то подходили. И тут мне повезло — меня приняли на работу в зоопарк Уипснейд в Бедфордшире, загородную базу Лондонского зоологического общества. Я числился смотрителем-практикантом — громкое звание; на самом же деле я был мальчишкой на побегушках, меня совали в ту секцию, где требовался подручный для черной работы. Такая практика была во многом идеальной: я усвоил хотя бы то, что работа с животными — дело, как правило, тяжелое, грязное и далеко не романтическое; зато я общался с множеством чудесных животных, от эму до слонов». Эти строки нуждаются в некоторых комментариях, так как во многих вариантах биографии Даррелла и, особенно, в предисловиях к его книгам, можно прочесть, что в Уипснейде Джеральд был «научным сотрудником», что вызывает усмешку у него самого: «Откровенно говоря, систематического среднего образования я не получил, как впрочем и специального, а без этого о подобной работе в Уипснейде нечего было и мечтать».

Подобным фактом своей биографии Даррелл усиленно гордится, подчеркивая важность самообразования для любого человека и необходимость не испытывать гипноза ученых степеней и званий.

В 1947 году, когда ему исполнилось 22 года, Джеральд приступает к осуществлению первой части своего плана («Задолго до совершеннолетия я твердо знал, кем буду: начну с отлова животных по заказам зоопарков, а со временем, заработав на этом деньги, организую свой собственный зоопарк») — организует, отчасти финансирует и возглавляет экспедицию в Камерун, за которой следует вторая (1948) и третья, но на этот раз в Британскую Гвиану (1949) [5]. После возвращения в Англию ему пришлось пережить острое разочарование: отлов животных для зоопарков оказался скорее убыточным, нежели прибыльным делом, но моральные потери были еще больше — расставаться с питомцами, к которым успел привязаться, было совсем не просто.

В конце концов в начале 50-х годов Джеральд присоединился к семье, жив-

шей в небольшом курортном городке Борнмуте. Он был без работы, и никакой надежды получить место у него не было. Финансовое положение семьи в ту пору было весьма затруднительным; доля наследства Джеральда была израсходована, и он фактически оказался на иждивении у матери, получавшей скромную пенсию за покойного мужа. Джеральд всегда мог рассчитывать на стол, ночлег, но, согласитесь, положение, когда молодой человек даже мелочь на сигареты и трамвай одалживал у своей матери, было ненормальным. Основным источником расходов были сигареты и чай — по его собственному признанию, тогда Даррелл курил без конца, причем очень крепкие сигареты, и бросил лишь в зрелом возрасте после того, как в приступе кашля однажды выплюнул сгусток крови из легких.

Вскоре ситуация осложнилась — Джеральд всерьез увлекся дочерью владельца небольшой гостиницы — своей будущей женой Джеки, так что поиски работы стали лихорадочными. Долгие часы он проводит в читальном зале городской библиотеки, тщетно листая подшивки газет, печатающих объявления о найме на работу. Одновременно он посылает огромное количество запросов в зоопарки Австралии, Африки, Америки и Канады, но лишь немногие удостоивают его ответа.

Богатый опыт обращения с животными только однажды помог Джеральду: он получил временную работу в зверинце на ярмарке в курортном местечке Маргейт, причем работал за жилье и питание — никакого жалованья не полагалось.

В это же время благополучно завершился его роман с Джеки: она стала совершеннолетней по английскому законодательству и, в один прекрасный день, воспользовавшись отсутствием отца (который категорически возражал против знакомства своей дочери с человеком неопределенных занятий) и получив благословение мачехи Джеки сочеталась браком с Джеральдом Дарреллом. У молодоженов не было денег ни на свадебное путешествие, ни на свадебные наряды, и поселились они в крошечной комнате в доме Марго, старшей сестры Даррелла. Луиза Даррелл, жившая со своей дочерью, приняла невестку на редкость любезно — Джеки была маленького роста, темноволосой и с короткой стрижкой (позже эта прическа станет невероятно популярной благодаря Одри Хепберн), одним словом, ничуть не походила на прежние увлечения ее сына — «пышных томных блондинок с коровьими глазами», которые наводили на миссис Даррелл непреодолимый ужас при одной мысли, что какая-то из них может стать ближайшей родственницей.[6]

Надо ли напоминать, что свадьба отнюдь не способствовала улучшению финансового положения. Будущее четы Дарреллов стало вызывать серьезные опасения их близких и на семейный совет прибыл старший брат Джеральда — Ларри[7].

После долгих размышлений Даррелла-старшего осенила блестящая (с его точки зрения) мысль, которую он и поспешил изложить своему младшему брату: «Какого черта ты не напишешь книгу о своих кошмарных путешествиях?! Если один Даррелл вполне преуспел как писатель, то почему этого не может добиться другой, тем более, что все англичане буквально помешаны на рассказах о животных и джунглях!»

«Откровенно говоря, подобная идея не вызывала у меня ни малейшего энтузиазма. Ларри был профессиональным писателем, к тому же ему нравилось

это занятие. Я же к сочинительству испытывал даже не подозрение, а непреодолимое отвращение», — вспоминает Джеральд. Помог, как водится, случай: как-то по радио прозвучала «бредовая» передача о путешествии по Западной Африке, вызвавшая у Даррелла приступ ярости обилием всяческих нелепиц. Несколько дней он слонялся по дому, не находя себе места, и, наконец, занял у кого-то из знакомых разболтанную машинку и в рекордно короткий срок двумя пальцами напечатал первое свое произведение — рассказ «Охота на волосатую лягушку». Рассказ был отправлен на радио, и вскоре к огромному удивлению автора, пришел ответ из редакции Би-би-си, в котором будущего писателя приглашали приехать в Лондон и лично прочесть рассказ по радио. Передача прошла с большим успехом, а полученный гонорар убедил Джеральда, что мысль его старшего брата была не лишена здравого смысла. В итоге Даррелл-младший, долгое время отлынивавший от работы, был все же вынужден снова сесть за машинку. Первоначально он предполагал рассказать в будущей книге о трех экспедициях, но такая мысль вызвала праведный гнев у более практичного и опытного Лоуренса — «Все три экспедиции в одной книге? Да ты спятил, по книге о каждой экспедиции!». После этого Джеральд остановился на своем первом путешествии в Камерун и выбрал на редкость удачное название — «Перегруженный ковчег».

Для семьи Дарреллов настало нелегкое время: Джеральд буквально терроризировал близких — он предпочитал работать по ночам, закрывшись в маленькой комнате на втором этаже, поглощая невероятное количество слабого чая и крепких сигарет и нарушая покой домашних громкими проклятиями, сопровождавшими его блуждания в непроходимых дебрях синтаксиса и орфографии (с правописанием не ладили все Дарреллы, по единодушному признанию самым грамотным членом семьи была их мать). Рукопись была закончена в течение месяца (сведения о требованиях к объему и оформлению Джеральд почерпнул из принадлежащего Ларри «Ежегодника писателей и художников») и по совету все того же Ларри послана литературному консультанту издательства «Фэйбер энд Фэйбер» Алану Принглу. Спустя месяц от Прингла пришло письмо: младшего Даррелла приглашали в Лондон для переговоров.

В апреле 1952 года Дж. Даррелл подписал первый в своей жизни авторский договор. Вдохновленный успехом, он не вылезает из-за машинки, пишет статьи и рассказы для журналов, выступает по радио, завоевывая с каждым разом все большую популярность. Между тем, полученный аванс был истрачен, и безденежье вынудило чету Дарреллов обратиться к литературному агенту Ларри — Спенсеру Кертису Брауну, которому суждено было стать близким другом Джеральда (агентство Брауна до сих пор осуществляет охрану авторских прав писателя). Кертису Брауну удалось продать права на «Перегруженный ковчег» в США и во время встречи с Джерри и Джеки в Лондоне он сумел уговорить Даррелла начать работу над следующей рукописью — так за шесть недель были написаны «Три билета до Эдвенчер».

«Перегруженный ковчег» появился на прилавках книжных магазинов в 1953 году, и сразу же вызвал бурю восторгов у читателей (самое удивительное, что официальная критика тоже была довольно благосклонна). Книга привлекла внимание крупного издателя Руперта Харт-Дэвиса, и тот добился права выпустить «Три билета до Эдвенчер» и впоследствии поддерживал Даррелла во всех начинаниях, какими бы сомнительными они ни представлялись ему са-

тому. Гонорар за «Перегруженный ковчег» был достаточно велик, чтобы Дарреллы смогли организовать и осуществить очередную экспедицию, на этот раз в Южную Америку, которая, впрочем, окончилась провалом: переворот в Парагвае вынудил британского натуралиста расстаться с собранной коллекцией животных и спешно покинуть страну. От этого неудачного путешествия выиграли читатели: на свет появилась новая книга — «Под пологом пьяного леса» (1955).

Тех, кто был близко знаком с Дарреллом в те годы, поражал его изматывающий образ жизни и невероятная работоспособность — в перерывах между экспедициями он по-прежнему по ночам пишет, а днем занимается покупками оборудования для экспедиций, бесконечными хождениями по разным инстанциям и поисками потенциальных заказчиков. Конечно, Джеральд был молод, но его преследовали учатившиеся приступы малярии, и при таком темпе его хватило бы ненадолго, но, к счастью, на помощь вновь пришел Лоуренс, пригласивший младшего брата отдохнуть на Кипре и в Греции.

Приезд Джеральда совпал с подъемом национально-освободительного движения и всплеском антианглийских настроений. Отдавая должное справедливости греков, Даррелл вспоминает, что на него враждебное отношение не распространялось, ему нигде не чинили препятствий, помогали снимать фильм о жизни крестьян на Кипре; он чувствовал себя в полной безопасности даже на территории, контролируемой партизанами-киприотами. Дни, проведенные в Греции, напомнили натуралисту его детство, гостеприимство пастухов Корфу, и необычных питомцев. Вернувшись в Англию Даррелл пишет автобиографическую книгу — «Моя семья и другие звери» (1955), на долю которой выпал неслыханный успех: только в Великобритании ее издавали свыше 30 раз, и больше 20 изданий она выдержала в США. «Моя семья» принесла автору совершенно неожиданное признание его таланта, так как критики сначала заговорили о возрождении современной английской литературы, а затем к ним присоединились чиновники и попечители школьных советов, которые в конце концов включили произведение «непрофессионального» писателя в программу выпускных экзаменов по литературе[8].

В 1958 году Джеральду Дарреллу исполнилось 33; он стал одним из наиболее популярных писателей по обе стороны океана, вполне удачно дебютировал на телевидении с 4-х-серийным фильмом «В Бафут за говядиной», который заставил всю Англию сидеть у экранов телевизоров (с тех пор Джеральд снял, по меньшей мере, 37 фильмов, из которых мы, к сожалению, видели очень немногие). Этот год стал переломным в его жизни, он вплотную подошел к осуществлению своей мечты и начал искать место для будущего зоопарка. Что побудило его принять такое решение? В том году Джеральд предпринял две экспедиции, в Камерун и Аргентину, но не смог найти в себе силы расстаться с наиболее ценными животными и, к ужасу своих близких, разместил свою коллекцию в саду у Марго.

Поиски места для зоопарка ведутся в нервной обстановке: каждая встреча с чиновниками муниципалитетов Борнмута и Пула напоминают сражение Дон-Кихота с ветряными мельницами; соседи осаждают жалобами на присутствие зверей в саду; издатели требуют очередной рукописи. Проблема новой книги разрешилась разумным компромиссом, Руперт Харт-Дэвис согласился принять переработанные выступления Даррелла по радио, снабженные пре-

дисловием («Встречи с животными»). С зоопарком дела обстояли не столь благополучно. У городских властей замыслы Джеральда вызывали такое отчаянное сопротивление, что можно было подумать, что он собирался взорвать атомную бомбу на площади у мэрии. Даррелл был близок к отчаянью, но на этот раз ему на помощь пришел Харт-Дэвис, посоветовавший навеститься на остров Джерси.

7 ноября 1958 года майор в отставке Хью Фрэзер подписал договор на сдачу в аренду (с правом последующего выкупа) поместья Лез, Огр. Следующий шаг был сделан опять-таки при содействии Руперта Харт-Дэвиса. Окончательно замороженный проектами создания самокупаемого зоопарка, веря больше в литературный талант Даррелла, чем во всю эту затею, издатель согласился выступить в качестве гаранта и поручиться за своего подопечного перед банком на солидную сумму в 10 000 фунтов. Обеспечением ссуды стали будущие книги; таким образом, зоопарк получил право на существование, а его создатель обрек себя на долгие годы каторжного труда.

Джерсийский зоологический парк был официально создан 14 марта 1959 года, а уже 26 марта открыт для публики. Детище Даррелла, по его замыслу, должно было существенно отличаться от прочих зоопарков: *«На протяжении многих лет я чувствовал, что назрела потребность в более специализированных зоопарках, чем существующие, конкретнее, в зоопарках, которые посвятили бы свою энергию в первую очередь спасению редких видов»*. Напомню, что еще в Уипснейде Джеральд собирал досье о редких и исчезающих животных, создав свой собственный, пусть далекий от совершенства, прообраз Красной книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Собранный информация не пропала даром, сведения послужили руководством для комплектования коллекции Джерсийского зоопарка.

Очень часто мы воспринимаем Даррелла как писателя, чьи книги доставляют нам массу удовольствия, и совершенно не задумываемся над его вкладом в дело спасения диких животных. Ковчег на Джерси стал первым в мире специализированным центром по сохранению видов, оказавшихся на грани исчезновения; это произошло за четыре года до издания Красной книги МСОП!

Прошло четыре года самоотречений, тяжелой работы и невероятных трудностей; основными событиями тех лет по мнению сотрудников Джерсийского зоопарка были: появление гориллы Н'Понго (впоследствии оказавшейся самкой, хотя в некоторых книгах она фигурирует как самец), тапира Клавдия, получение мармозеток и рождение у них детенышей. Несколько позже появилась вторая горилла, Ненди, самка тапира Клодетта, сервалы и Паула — супруга для гепарда Питера. Зоопарк достаточно окреп для того, чтобы можно было приступить к преобразованию его в центр по сохранению исчезающих животных, начать серьезную научно-исследовательскую работу по изучению биологии редких видов и разработке практических методов их спасения. Все этому препятствовал огромный долг, нависший над зоопарком, — 25 000 фунтов...

Проблема была решена испытанным способом — Харт-Дэвис вновь поручился перед банком, а Джеральд Даррелл принял на себя обязательство создать требуемое количество шедевров литературы, а также погасить упомянутый выше долг. Одним словом, 6 июля 1963 года был создан Джерсийский трест сохранения редких животных, который и стал юридическим владель-

цем всего имущества зоопарка, включая коллекцию животных; Джеральд Даррелл был избран почетным директором треста.

«Наш Трест — научная некоммерческая организация, добровольные члены которой есть во всем мире, в Европе, Америке, Азии, Африке и Австралии. При поиске первых добровольцев мы воспользовались весьма оригинальным методом — в течение нескольких лет я старательно собирал письма, приходившие от читателей моих книг, сам еще не зная зачем. Быть может, это лишний раз свидетельствует о моей прозорливости. Когда пришла пора взяться за создание Треста, я обратился ко всем корреспондентам с предложением присоединиться к нашему начинанию. Так возникло ядро из 750 человек. Спустя десять лет их число выросло до 10 000, а теперь нас больше 15 000», — рассказывал Даррелл в 1986 году.

Трест поставил перед собой следующие задачи:

— создание в контролируемых условиях воспроизводящихся колоний различных видов животных, находящихся под угрозой исчезновения в природе;

— организация специальных экспедиций для поиска и отлова исчезающих видов;

— сбор и обобщение информации, которая может помочь сохранению редких животных в природе путем изучения биологии этих видов;

— содействие развитию интереса к охране диких животных во всем мире.

Со дня преобразования Джерсийского зоопарка в трест и вплоть до следующего знаменательного события прошло немало времени, течение которого можно проследить по некоторым датам:

1963 — Создан Джерсийский Трест. Прибыли первые орангутаны с Борнео — Оскар и Бали.

1964 — Завершено строительство комплекса для крупных при матов. Появились кольцехвостые лемуры.

1965 — Рождение первых детенышей у южноамериканских тапиров и у шимпанзе. Ремонт клеток для мелких обезьян.

1966 — Закончено строительство вольера для леопардов.

Получены две пары белых ушастых фазанов. У сервалов родились котята.

1967 — Создан Комитет научных консультантов[9]. Появились на свет два детеныша у колобусов.

1968 — Трест приобрел пару валлаби. Закончено строительство вольера для колобусов.

1969 — Возведен комплекс для лемуров. Благополучно выращены 13 птенцов белых ушастых фазанов. Построен второй вольер для колобусов. Учрежден комитет зоологического парка. «Вступил в строй» специальный птичник для фазанов.

1970 — У валлаби родились детеныши, построены комплексы для гепардов и тапиров и вольер для очковых медведей.

1971 год остался в памяти благодаря таким событиям: во-первых, поместье Лез Огр полностью перешло в собственность Треста, во-вторых, родились первые орангутаны и, наконец, в-третьих, были получены восемь экземпляров Ротшильдовых майн с острова Бали.

Следующий, 1972-й год стал еще более насыщенным в жизни Треста. Ее Королевское Высочество принцесса Анна любезно согласилась стать патроном Треста[10]; Дэвид Найвен торжественно открыла комплекс для горилл (дар

Брайана Парка); прибыли ямайские хутии и Джамбо, самец равнинной гориллы; появились индийские львы, а Педро — самец очкового медведя из Южной Америки — обзавелся подругой по кличке Петрона.

Таков итог десяти лет непрерывной работы Джерсийского треста, которые ушли на то, чтобы добиться практических и теоретических результатов, позволивших поставить вопрос о возможности разведения редких видов в неволе как об одном из наиболее вероятных путей их спасения.

С этой целью в мае 1972 года на Джерси созывается I Международная конференция по размножению редких и исчезающих видов в неволе. Деятельность Джеральда Даррелла и его единомышленников получила, наконец, всеобщее признание. Обращаясь к участникам конференции, сэр Питер Скотт сказал: *«Теперь я верю, что мы должны стараться создавать больше специализированных зоопарков, подобных тому, который организован на Джерси»*. Успех конференции, к сожалению, вовсе не значил, что была найдена панацея от всех бед, угрожавших бессловесным обитателям нашей планеты. Тогда, на конференции, Дж. Даррелл произнес слова, которые лишней раз подчеркивали ответственность человечества за бездумное и потребительское отношение к животному миру: *«Нам всем должно быть стыдно за то, что необходимость созыва подобной конференции вообще возникла»*.

Для существ, которым «человек разумный» не оставил надежд на спасение, Джерсийский трест стал последним прибежищем и последним шансом уцелеть; зоопарк на острове превратился в некое подобие «скорой помощи», которую вызывали со всех уголков земного шара. Деятельность Треста шагнула за пределы первоначально очерченных задач, и его преобразование стало насущной необходимостью.

1973 год Джеральд провел в США (по большей части), выступая с лекциями перед самой разной аудиторией. Цель этого изматывающего турне — найти сторонников спасения животных и собрать средства для финансирования международной деятельности Треста. Что и говорить, занятие неблагодарное, но избежать его было невозможно.

«Как-то раз, — вспоминал Даррелл, — организаторы турне пригласили меня выступить перед членами закрытого клуба, всячески распиная огромные состояния и добросердечие его членов. Больше всего меня привлекало то, что я буду деньги грести лопатой для Треста, а взамен придется всего-навсего произнести коротенькую импровизированную речь. Так меня, во всяком случае, уверяли. Я опрометчиво дал себя уговорить, приехал к началу обеда, и сразу же почувствовал недоброе. Обед сопровождался обильными возлияниями, присутствовавшие как верблюды в пустыне галлонами поглощали спиртные напитки... Одним словом, когда я встал, чтобы произнести свою речь, моя соседка уронила лицо в клубничный мусс, а справа доносилось ровное похрапыванье. В тот день я собрал 180 долларов — так мало я не собирал за всю поездку».

Как бы то ни было, но в 1973 году Джеральд Даррелл провозглашает о создании международной программы Треста «Спасите животных от исчезновения», которая несколько позже была преобразована в Международный Джерсийский трест сохранения диких животных, штаб-квартира которого разместилась в маленьком двухэтажном кирпичном особняке, построенном в 1715 году в Филадельфии[11].

Годы, следовавшие за учреждением Международного треста, были отмечены такими событиями:

1974 — Открыт дом для мармозеток, диетологическая лаборатория, ночная экспозиция с хуттиями, построен вольер для ибисов. Родились четвертый и пятый детеныши у горилл. Прибыли попугаи с островов Санта Лусия и Сент Винсент. Родились первые детеныши у очковых медведей и вылупились первые птенцы ибисов.

1975 — Получено второе поколение коlobусов в неволе и первые детеныши хуттий. У Ротшильдовых майн появились птенцы.

1976 — Принцесса Анна торжественно открыла Центр по разведению рептилий им. супругов Гаэрти. Открылось «Кафе Додо». Родились детеныши у летучих мышей с острова Родригес. Впервые получено потомство от рептилий острова Раунд.

1977 — На Джерси доставлены первые розовые голуби. Ямайские удавы принесли 58 детенышей. Учреждена должность сотрудника по просветительной работе.

1978 — 4 июня посол США открыл Ветеринарный центр.

Завершено строительство комплексов для розовых голубей и золотых крыланов. На Джерси доставлены четыре золотистых львиных тамарина. Первый житель Маврикия получил стипендию для стажировки на Джерси.

1979 — Начата программа подготовки специалистов. Восстановлена программа «Спасите животных» как кампания по сбору средств. Приобретено поместье Ле Нуайе.

1980 — На свет появились первые детеныши у золотистых тамаринов. Начала работать летняя школа. Завершено строительство комплекса для горилл.

1981 — На ежегодном собрании членов Треста принято решение о финансировании полевых исследований. Учрежден «Клуб Додо».

1982 — Первые птенцы попугаев Санта Лусии появились на свет в неволе. В Джерсийском зоопарке приступили к работе экскурсоводы-добровольцы. Учреждено коллективное членство.

1983 — Рекордное число посетителей — 250 000.

Видимо, пришла пора привести некоторые неизбежные статистические данные о Джерсийском тресте. Сейчас на острове Джерси Трест занимает территорию площадью свыше 32 га, на которой разместились более двух тысяч животных (больше ста видов — от горилл до... эндемичных сухопутных моллюсков), лаборатория по изучению поведения животных, зоологический музей, справочная библиотека, архив и центр по подготовке специалистов из других стран (в поместье Ле Нуайе).

То, чем занимается Джерсийский трест, не всегда известно широким кругам его сторонников. На сегодняшний день основное внимание сосредоточено на проектах, осуществление которых не замыкается в границах зоопарка. Уже в 1978 году была начата программа по размножению в неволе крошечных южноамериканских обезьян — львиных тамаринов. К тому времени от их мест обитания осталось не более полутора процентов территории. А в 1983 году в зоопарках мира содержалось уже около трехсот тамаринов — примерно в три раза больше, чем осталось в природе. При помощи Джерсийского треста в Рио-де-Жанейро был построен Центр по изучению приматов, директор которого, доктор Альдемар Коимбра-Филью активно способствовал осуществлению пла-

нов Даррелла. В ноябре 1983 года в Бразилию были доставлены пятнадцать тамаринов, а на следующий год, в мае девять из них переселились в вольеры заповедника Пока дас-Антас в 60 милях от Рио, чтобы подготовиться к жизни на воле.

Несколько проектов осуществляется в США. Прежде всего, это проект сохранения черноногого хорька. Считалось, что в природе вид исчез, но в 1981 году удалось найти одного-единственного зверька. Находка окрылила зоологов, и вот результат — в штате Вайоминг была обнаружена целая колония: 28 взрослых особей и 60 детенышей! Там же, в США, осуществляется программа по спасению черепахи-гофера — Трест выделяет средства миссис Ариэль Эплтон, которая собирает молодняк черепах, подрачивает рептилий до полувзрослого состояния и выпускает их на волю. Кроме этого, Джерсийский трест финансировал работы по изучению генетики горилл в зоопарках США.

На Маврикии создан питомник Блэк Ривер, в котором ведется активная работа по сохранению золотых крыланов, маврикийской пустельги и розовых голубей. В 1984 году первые шесть голубей, родившихся на Джерси, были выпущены в вольеры на территории ботанического сада Пампльмусс на Маврикии. Следом за голубями, пришел черед и Ротшильдовой майны с острова Бали.

Этим не ограничивается деятельность Треста. Джерси сотрудничает с Мадрагским центром, где занимаются охраной и реинтродукцией черепах и крокодилов. Помимо этого, стипендиаты Треста изучали поведение горных горилл в заповеднике Карисоке (Руанда), влияние превыпаса скота на состояние популяций лемуров (Мадагаскар), гнездовья Ротшильдовой майны в заповеднике Барат (остров Бали).

Предмет особой гордости Даррелла — своеобразный университетский городок, разместившийся на ферме Ле Нуайе, где прошли подготовку национальные кадры специалистов по спасению редких видов из Индии, Таиланда, Гонконга, Колумбии, Бразилии, Пакистана, Замбии, США, Австралии, Бахрейна и Мадагаскара. С 1980 года подобные занятия ведутся на уровне университетских курсов (первый курс назывался «Биология и охрана приматов», его читали доктор Элисон Джолли из Сассекского университета и доктор Роберт Мартин из Университетского колледжа, Лондон). Традиционными стали также «летние школы» — семинарские занятия для сотрудников зоопарков на тему «Размножение и сохранение редких и исчезающих видов», на которых обучались эксперты из Дании, Канады, ФРГ, Финляндии, Голландии, Мексики и Новой Зеландии. Вполне естественно, что Джерсийский трест является участником различных престижных международных программ и организаций, так, например, Трест — коллективный член Комиссии по редким видам МСОП, Группы экспертов МСОП по разведению редких видов в неволе, Федерации зоологических садов Великобритании и Ирландии, Комитета по сохранению и разведению, и, наконец, на Джерси проходит ежегодная конференция директоров зоологических обществ Великобритании и Ирландии.

Трест издает несколько собственных печатных материалов, во-первых, ежегодный отчет «Додо», во-вторых, газету «Он зе эдж» (для взрослых читателей) и в-третьих, газету «Додо дис-петч» (для детей). Помимо этого, научно-просветительный департамент Треста регулярно готовит передачи для радио и телевидения, часть их записывается на кассеты и с успехом использует-

ся в местных школах. Джерсийский трест хорошо известен своей работой с детьми, занятия проводятся даже с трехлетними малышами. За время существования Треста его сотрудники познакомили с охраной природы десятки тысяч детей и подростков, в том числе слабовидящих, слепых и глухонемых — для этих обездоленных детей разработаны специальные учебные программы, имеющие огромное значение, помимо всего прочего, для их социальной реабилитации.

Многие читатели, разумеется, интересуются деятельностью Треста главным образом потому, что она неразрывно связана с личностью самого Джеральда Даррелла. Сегодня Джеральд Даррелл обладает обширной коллекцией почетных званий и всяческих наград — он кавалер Ордена Британской империи и ордена «Золотой ковчег» МСОП, действительный член Международного института изящных искусств и литературы, Лондонского института биологии, доктор гуманитарных наук Йэльского университета, член Королевского географического общества и Зоологического общества, обладатель Почетного диплома Общества охраны животных Аргентины и, наконец, один из немногих, кто удостоен памятной золотой медали Московского городского клуба аквариумистов имени Н. Ф. Золотницкого. Справедливости ради замечу, что столь тяжкий груз его нисколько не обременяет, а самое главное — не обременяет его собеседника, потому что общаясь с Дарреллом совершенно не испытываешь тягостного ощущения, что на тебя давит ученая степень и пыльные кипы написанных твоим визави научных трудов. Джеральд Даррелл обладает легко узнаваемой и запоминающейся внешностью — это грузный мужчина со снежно-белой бородой и довольно длинными седыми волосами, контрастирующими с красноватым обветренным лицом, на котором выделяются ярко-голубые глаза. Любимая одежда — рубаха навыпуск и легкие летние брюки, в костюме и при галстуке Даррелл чувствует себя явно неловко. Передвигается он с трудом, тяжело опираясь на трость (дают себя знать последствия болезни и перенесенной операции).

Джеральд по праву царит в любом обществе, рассказывая множество историй и анекдотов, которые, к моему величайшему сожалению, частенько носят скабресный характер и изобилуют непечатными выражениями, из-за чего их совершенно нельзя публиковать (при редактировании они неизбежно утратят свою прелесть). Такие забавные случаи Даррелл рассказывает самозабвенно, не обращая внимания на возмущенные возгласы своей жены Ли, которая болезненно реагирует на наиболее красочные эпитеты (чего стоит один его душераздирающий рассказ о том, как вырвавшийся на свободу под Рождество самец гориллы учинил разгром в доме, и Джеральд вместе с Джоном Хартли, его личным секретарем и помощником, были вынуждены провести несколько часов в ожидании подкрепления, занимаясь не совсем обычным делом, — они по-очереди чесали обезьяне гениталии, так как это доставляло удовольствие горилле и действовало на нее успокаивающе).

Чета Дарреллов по-прежнему ведет довольно напряженный образ жизни, много времени занимают экспедиции и съемки фильмов. В последнее время сложилась такая традиция: параллельно со съемками, или чуть раньше, готовится иллюстрированная книга, а затем появляется еще одна — о том, как снимался этот фильм. Так, например, закончив работу над 13-серийным телефильмом «Ковчег в плавании», Джеральд и Ли Даррелл написали огромную

книгу «Натуралист-любитель», потом по ней был сделан еще один (тоже 13-серийный) телефильм, о котором рассказывается в книге «Натуралист на мушке». Пребыванию Дарреллов в СССР посвящен фильм «Даррелл в России», по мотивам которого издан фотоальбом под таким же названием. Даррелл обещал написать книгу «Русские на мушке», но работа пока не завершена.

Откровенно говоря, жизнь Дарреллов сильно переменилась, они не так часто бывают на Джерси, проводя довольно много времени в своем имении «Ма Мишель» на юге Франции, в Провансе. Это — около 10 гектаров нетронутой природы.

«Только поблизости от дома мы пытаемся как-то „контролировать“ природу, и то очень умеренно. Попытки эти по большей части заключаются в том, чтобы заставить ломонос или плющ оплести крытый бамбуком внутренний дворик-патио, посадить немного овощей для себя, и кусты роз, золотоцвета и лаванды — для привлечения насекомых, а также удостовериться, что в жару из водопровода всегда капает вода на каменные плиты, которыми вымощен патио, образуя прохладный оазис, куда из засушливых гарриг слетаются напиться осы, бабочки и жуки. Так как образованный каплющей водой прудик находится сразу за порогом, то, выходя из дома, приходится остерегаться, чтобы не наступить на осу и не получить укус. Я покрыл патио бамбуком, потому что знаю, что его пустотелые стволы служат превосходными укрытиями для многочисленных насекомых, особенно для огромных пчел-плотников цвета электрик, одних из наиболее крупных и глупых, но самых ярко окрашенных среди диких пчел. Весь день напролет слышно, как они возятся, скребутся и гудят, строя гнезда внутри длинных высохших на солнце стволов бамбука. Сад окружен сухими стенами, сложенными из камней, которые служат домом для многих животных. По камням как ртуть скользят стройные коричневые стенные ящерицы, вверху, на гребне стены загорают зеленые как драконы громадные жемчужные ящерицы, а среди камней живут скорпионы, камышевые жабы, садовые сони и ящеричные змеи».

Многих активно интересует творчество Даррелла и его отношение к своим книгам. Об этой стороне своей жизни Джеральд рассказывает следующее:

«Писать меня заставили жена и старший брат. Я сам писать не люблю, мои книги — это средство обеспечения более важной для меня практической работы. Самая любимая моя книга — „Моя семья и другие звери“ и ее продолжение о жизни на Корфу. Они рассказывают об очень важном для меня периоде жизни, потому что тогда у меня было то, чего, к сожалению, совершенно очевидно лишены многие нынешние дети — счастливое и безоблачное детство. Мне искренне жаль современное наше юное поколение, которое растет в лабиринтах городов, не имея возможности общаться с собаками, морскими свинками и хомячками, или с золотыми рыбками. Если мои книги могут чем-то заполнить эту пустоту, буду очень рад. Я, впрочем, искренне уверен, что любая книга, написанная о животных и в защиту животных, гораздо важнее всех прочих. Может быть, если бы у меня было время остановиться и перевести дух, я бы по другому написал некоторые книги, но такой возможности нет...»

К своей популярности Джеральд относится с юмором, утверждая, что известность писателя — понятие весьма относительное, и в качестве примера

рассказывает такой случай:

«Не так давно я был на приеме, устроенном для писателей, издателей и книготорговцев, где долго рассказывал о своей работе и о деятельности Джерсийского треста. Окончив речь и утерев пот со лба, я вернулся на свое место и моя соседка, леди очень почтенного возраста и внушительной наружности немедленно атаковала меня вопросом: „Молодой человек, я так и не поняла, чем, собственно говоря, вы зарабатываете на жизнь?“»

Свою нынешнюю жизнь Даррелл характеризует таким образом:

«Прежде я более тесно общался со своим зоопарком, но потом лишился возможности каждодневного контакта, хотя так и должно было случиться. Главное, чтобы те, кто ухаживает за животными, добросовестно относились к своему делу, а все остальное не так уж важно для меня. Даже когда я здесь, на Джерси, я всю неделю отвечаю на письма и пытаюсь писать очередную книгу; я счастлив, если в течение этой недели мне удастся выбраться в зоопарк хотя бы на час. Я и сам почти стал посетителем в собственном зоопарке, я сожалею об этом, но это неизбежно...

Я и вправду превратился в сборщика средств, рыскающего по всему миру в поисках денег для спасения животных. Я ненавижу все, что я делаю, за исключением общения с животными, я терпеть не могу заседать в комитетах, но не порвать с этим. Должно быть, я смогу только тогда остановиться, когда меня придется возить в инвалидной коляске...»

Несмотря на свою нелюбовь к этому неблагоприятному ремеслу, почетный директор Треста немало преуспел в поиске средств для зоопарка. Лично мне огромное удовольствие доставляет его рассказ о том, как на Джерси появился Центр по разведению рептилий.

«Собирать деньги на охрану животных всегда нелегко, но это относительно просто, когда речь идет о чем-то вроде гигантской панды, например, о чем-то таком пушистом, красивом... Но собирать деньги на змей, черепах и прочих гадов и в самом деле трудно. Не думаю, чтобы у меня когда-нибудь появились деньги на строительство нашего центра по разведению рептилий, если бы несколько лет назад у нас на Джерси не состоялась конференция. Как-то после одного из заседаний ко мне подошел член Треста из Канады, несколько напминавший изрядно состарившегося хиппи своей сверкающей лысиной, длинными редкими локонами и потертыми залатанными джинсами, который с ужасающим акцентом обратился ко мне: „Мистер Дьюррелл, я у вас был несколько раз, и нахожу, что все чудесно. Я вот думаю, что животные чудесные и вообще, а вот террариум воняет, да сэр, просто воняет!“. На что я ответил: „А что вы, собственно говоря, ждали от бывшего гаража? Дайте нам денег, и я вам построю лучший террариум в мире“. Канадец исчез, и снова появился после окончания конференции с вопросом, какая сумма требуется. Чтобы отделаться от него, я наугад назвал казавшуюся мне огромной сумму в двадцать пять тысяч фунтов, на что он задумчиво ответил, гнусава и растягивая слова: „Знаете, так уж случилось, что среди прочих своих достоинств, я — эксцентричный миллионер...“ Ноги у меня подкосились, и я, заикаясь и проклиная себя за то, что не назвал большую цифру, дрожащим голосом пригласил его пройти в дирекцию.

Чудаковатый джентльмен оказался доктором Джеффри Гаэрти[12]. Центр для рептилий был возведен в рекордно короткие сроки. При большом скоплении публики Центр торжественно открыла принцесса Анна, которая после беглого знакомства с рептилиями, поспешила в зоопарк, где ей был представлен выводок юных горилл. Удовольствие от знакомства было, надеюсь, обоюдным, но особенно горилл восхитила широкополая шляпа принцессы, детеныши не смогли устоять перед искушением, и сцапали головной убор Ее Королевского Высочества...»

Подобные случаи вносят приятное разнообразие в жизнь директора зоопарка, но, увы, они слишком редки. Оснований для пессимизма гораздо больше: «Мы добились успешных результатов в спасении животных, но наши успехи недостаточны в том смысле, что дело продвигается слишком медленно. Я вынужден наугад бродить повсюду в поисках денег и убеждать правительства сделать то-то и то-то, а каждый день приходят все более ужасающие сводки о том, что творится вокруг. 24 часа в сутки я пребываю в отчаянии от того, как мы обращаемся с природой. И все-таки надо бороться, а иначе для чего же мы живем на этом свете?»

Кстати, о борьбе, так как это слово у нас обычно ассоциируется с идеологической борьбой. Вопреки тому, что неоднократно приписывалось Дарреллу, он — глубоко аполитичный человек, и глупо было бы ожидать от него чего-нибудь другого. Его интерес к политике характеризует такой эпизод: в разгар столкновений на Фолклендских островах, Даррелл как-то выразил недовольство «железной леди». Причина недовольства не имела ничего общего с политикой: боевые действия на Фолклендах угрожали судьбе обитавшего там гуся.

* * *

Несколько лет назад Джеральд и Ли Дарреллы побывали в нашей стране. Поездка была организована канадской телекомпанией «Праймидиа Продакшнз», президент которой, мистер Патрик Фернс, такой горячий поклонник творчества Даррелла, что последние годы все фильмы Джеральда снимает именно «Праймидиа». Чету Дарреллов сопровождал личный помощник Джеральда Джон Хартли, чья внешность вполне оправдывает прозвище «Долговязый Джон» (по-моему, лучшего исполнителя роли Жака Паганеля во всем мире не найти).

Дарреллы пробыли в СССР довольно долгое время, побывав в таких уголках заповедной природы, куда простой смертный может попасть только благодаря «Клубу путешественников» или «В мире животных». Впрочем, Дарреллам не разрешили снимать на Дальнем Востоке и... в Москве, на Птичьем рынке. Птичий рынок привел Дарреллов в неопишуемый восторг — Ли порывалась купить всех котят, даже самых тощих и паршивых, а Джерри уделил довольно много внимания общению с нутриями. Боюсь, что у меня не хватит слов, чтобы описать энтузиазм завсегдатаев Птичьего рынка — всеобщий подъем завершился тем, что Даррелл, которому было трудно ходить, сидел как султан в шезлонге под огромным полосатым зонтом, пил чай из термоса и милостиво раздавал автографы. Наверно, теперь уже можно покаяться — это я возил Дарреллов и Хартли на Птичий рынок...

О пребывании Джеральда в СССР написано очень много, снят 13-серийный телефильм, в издательстве «Макдональд» выпущен фотоальбом. Другие ре-

зультаты поездки: белые ушастые фазаны, поселившиеся в вольерах Московского зоопарка (кстати, еще раньше, до повального увлечения сексом и СПИ-Дом, с Джерси прибыл очковый медведь с совершенно недвусмысленными намерениями обзавестись в Москве потомством), множество фальшивых автографов Даррелла и масса интервью. Как очевидец событий, объективности ради должен сказать, что часть интервью Даррелл вообще не давал, а в некоторых других ему приписывается то, чего он вообще не говорил — отчасти из-за нетвердого знания английского языка журналистами, отчасти из-за нелестных оценок некоторых аспектов охраны природы в нашей стране.

Я надеюсь, что вы прочтете не только книгу «Зоопарки», но и это послесловие. Книга была написана давно и для детей, но читать ее должны в первую очередь взрослые — так мало мы знаем о зоопарках. Мне очень хочется верить, что прочтя книгу Даррелла и этот очерк, вы задумаетесь над плачевным состоянием отечественных зоопарков и хоть чем-то поможете им.

Пользуясь случаем, я хотел бы выразить свою признательность тем, кто прочел это послесловие, еще раз поблагодарить Джеральда и Ли Дарреллов за огромное счастье работать с ними, а также сказать спасибо Джону Хартли за любезно предоставленную информацию.

Алексей Голованов

Примечания

1

Айя — няня (англо-индийск.)

[^^^]

2

Отрывок из книги «Натуралист-любитель», перевод которой на русский язык будет опубликован издательством «Детская литература».

[^^^]

3

Доктор Стефанидес, Теодор (1896–1983) — греческий ученый-натуралист, краевед и этнограф, оказавший огромное влияние на формирование Дж. Даррелла как личности и как естествоиспытателя. Даррелл испытывал самую горячую привязанность к Т. Стефанидесу и поддерживал с ним отношения в течение более сорока лет. Джеральд глубоко переживал кончину своего учителя и почтил его память, учредив специальный «Фонд Тео» и посвятив ему одну из последних своих книг — «Натуралист-любитель».

Читатели наверняка знакомы с многочисленными образцами юмора Тео в изложении Дж. Даррелла. Мне хотелось бы добавить к ним еще один, принадлежащий перу самого Т. Стефанидеса. В своей книге «Следы на острове», рассказывая о гибели дневников и рукописей во время 2-й мировой войны, д-р Стефанидес писал: «Рукопись моего *magnit opus* (зд.: великий труд — лат.), „Обзора биологии пресных вод Корфу и некоторых других районов Греции“, была спасена благодаря счастливой случайности и опубликована в 1948 году Институтом биологии пресных вод. Я никогда не слышал, чтобы она стала бестселлером, несмотря на тот факт, что, помимо прочих удачных мест, в ней содержится непристойный доклад о сексуальных отклонениях у пресноводного рачка *Cyclops bicuspidaius Claus var. lubbocki Brady*. Однако, любой читатель, который, возможно, захочет углубиться в этот предмет, найдет экземпляр вышеупомянутой монографии в библиотеке отделения Британского музея в Энтомостракии».

[^^^]

4

«Абрис» готовит издание сборника на русском языке.

[^^^]

5

С 1966 г. независимое государство Гайана.

[^^^]

6

Этот брак впоследствии оказался несчастливым — Джеки занималась вокалом, всерьез готовясь к профессиональной сцене, и довольно скоро пришла к мысли, что замужество повредило ее карьере. Такая позиция серьезно осложняла Джеральду не только семейную жизнь, но и сильно вредила его работе. Брак был расторгнут, и спустя много лет Даррелл женился на американке Ли Уилсон Мак-Джордж (она имеет степень доктора биологии, занималась биоакустикой, языком животных, не так давно закончила работу о заповедниках для Международного союза охраны природы).

[^^^]

7

Ларри (Лоуренс) Даррелл (р. 1912), английский писатель и дипломат, видный представитель и теоретик модернизма в английской литературе 50-х — 70-х годов, автор тетралогии «Александрийский квартет»; длительное время возглавлял службу информации Британской администрации на Кипре, находился на дипломатической службе в Югославии, состоял в дружеских отношениях со многими видными писателями и художниками.

[^^^]

8

Чтобы закончить с книгами Дж. Даррелла, замечу, что на сегодняшний день им создано 29 произведений, в том числе роман «Моя родственница Роза», сказка «Говорящий сверток» и великолепный справочник «Натуралист-любитель». Уточненная библиография такова: «Перегруженный ковчег» (1952), «Три билета до Эдвенчер» (1953), «Гончие Бафута» (1953), «Под пологом пьяного леса» (1955), «Моя семья и другие звери» (1955), «Встречи с животными» («По всему свету» в русском переводе — 1959), «Зоопарк в моем багаже» (1960), «Земля шорохов» (1962), «Поместье-зверинец» (1964), «Двое в буше» («Путь кенгуренка» в русском переводе — 1966), «Моя родственница Роза» (1968), «Птицы, звери и родственники» (1969), «Филе камбалы» (1971), «Поймайте мне колобуса» (1972), «Звери в моей жизни» (1973), «Ковчег на острове» (1976). «Золотые крыланы и розовые голуби» (1977), «Сад богов» (1978), «Пикник и ад крошечный» (1979), «Пересмешник-насмешник» (1981), «Натуралист-любитель» (1982), «Натуралист на мушке» (1984), «Даррелл в России» (1986). Книги для детей (по определению Дж. Даррелла): «Новый Ной» (1956), «Зоопарк на острове» (1961), «Зоопарки» (1961), «Мои любимые рассказы о животных» (1963), «Похитители ослов» (1968), «Говорящий сверток» (1975). (Приведенные здесь сведения согласованы с агентом Дж. Даррелла Джилл Мак-Нил.)

[^^^]

9

В Комитет научных консультантов в разное время входили профессор Ф. Бур-
льер, доктор М. Брамбелл, Уильям Конвей, доктор Жан Делакур, профессор
Дж. Хатчинсон, профессор Эрнст Ланг, лауреат Нобелевской премии профессор
Конрад Лоренц, сэр Питер Скотт.

[^^^]

10

Трест всегда пользовался расположением титулованных особ и сильных мира сего — среди директоров Джерсийского треста (Великобритания) лорд Крайтон, сенатор Р. Джен; княгиня Монако Грейс является почетным председателем Международного Джерсийского треста, в работе которого участвуют сыновья пэров Л. Боггс и Джеймс Бакли, а также госпожа Годфри Рокфеллер.

[^^^]

11

Международный Джерсийский трест — добровольная благотворительная организация, которая, в основном, занимается сбором средств для осуществления проектов по спасению редких видов, служит американским филиалом собственно Джерсийского треста и ведет большую самостоятельную работу по экологическому воспитанию и просвещению.

[^^^]

12

Доктор Джефри Гаэрти вместе со своей супругой являются основателями и владельцами достаточно авторитетного частного фонда, располагающего собственным Центром по изучению и разведению рептилий. Фонд Гаэрти ничуть не уступает, с моей точки зрения, всемирно известному Институту Росса Аллена в США.

[^^^]